

Принципъ церковно-византійскаго нотнаго письма по даннымъ славянскихъ и греческихъ музыкально-богослужебныхъ памятниковъ.

Различные ученые почти до послѣдняго времени утверждали, какъ это видно изъ музыкально-археологической литературы, что начало церковно-византійскаго нотнаго письма нужно искать то въ египетскихъ іероглифахъ, то въ коптскомъ алфавитѣ, то въ арабскихъ музыкальныхъ или алфавитныхъ знакахъ, то въ греческой тахиграфiи и т. п. Но вотъ въ 1898 г. появилась въ печати статья французскаго ученаго аббата J. Thibaut: *La notation de St. Jean Damascène ou Agiopolite*¹⁾. Въ этомъ трудѣ авторъ, проводя свой новый взглядъ на изслѣдуемый вопросъ, усматриваетъ принципъ церковно-византійскихъ семіографическихъ нотацій лишь въ знаменахъ экфонетической (читально-пѣвческой) системы. Ничуть не умаляя важности точки зрѣнія почтеннаго ученаго въ рѣшеніи даннаго вопроса, мы, однако, считаемъ справедливымъ видѣть въ ней невсеобъемлемость и, слѣдовательно, въ извѣстной степени односторонность, а потому позволяемъ себѣ въ настоящемъ изслѣдованіи нѣсколько измѣнить и дополнить точку зрѣнія упомянутаго ученаго тѣмъ, чего въ ней, по нашему мнѣнію, не достаетъ. Также въ нѣкоторыхъ специальныхъ вопросахъ, затрагиваемыхъ тѣмъ же авторомъ и касающихся какъ экфонетическихъ знаковъ и дальнѣйшаго развитія нотнаго письма, такъ и вопроса о томъ, какую нотацію приняли русскіе—Дамаскинскую ли или Константино-

1) См. Извѣстія Русск. Археологич. Института въ Константинополѣ III, Сочія, 1898 г., стр. 138—179.

Византійскій Временникъ.

польскую, мы не оставимъ безъ опроверженія и исправленія того, что не согласуется, по нашему мнѣнію, съ дѣйствительностью. Но чтобы дать возможность самому читателю близко познакомиться съ точкой зрѣнія упомянутого изслѣдователя на затрагиваемые вопросы и тѣмъ прослѣдить насъ при ея разборѣ, считаемъ необходимымъ полностью ее здѣсь воспроизвести. Вотъ въ переводѣ вся теорія почтеннаго ученаго по интересующимъ насъ вопросамъ: «Мы знаемъ прекрасно», — пишетъ аббатъ J. Thibaut, — «изъ болѣе чѣмъ изъ одного свидѣтельства, что съ V-го вѣка пѣніе тропарей звучало уже въ базиликахъ большихъ городовъ Востока. Также драгоценный между всѣми текстъ аббата Памвы указываетъ достаточно, что мелодія тропарей имѣла всѣ характерные признаки одной музыки, въ виду того, что она была строго размѣрна, и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ право полагать одно музыкальное письмо какъ базисъ одного хорошаго и вѣрнаго исполненія пѣснопѣній (des chants). Καὶ γὰρ οὐκ ἐξηλθον οἱ μοναχοὶ ἐν τῇ ἐρήμῳ ταύτῃ, ἵνα παρίστανται τῷ Θεῷ καὶ μετewρίζονται καὶ μελεδοῦσιν ᾠματα καὶ ρυθμίζουσιν ἤχους καὶ σείουσι χεῖρας καὶ μεταβαίνουνσι πόδας¹⁾: Монахи совсѣмъ не для того пришли въ эту пустыню, чтобы положиться предъ Богомъ и гордиться, компонировать и риомировать пѣсни и бить мѣру рукой и ногой.

«Было ли это письмо въ началѣ алфавитное или семіографическое? Если нужно вѣрить двумъ или тремъ специальнымъ статьямъ доктора Tzetzès, помѣщеннымъ въ журналѣ Παρνασσός²⁾, то эта нотация была бы алфавитной. Впрочемъ, весьма правдоподобно, что христіане первыхъ вѣковъ могли воспользоваться традиціонной нотацией древнихъ грековъ. Какъ бы то ни было, экфонетическое музыкальное письмо, какъ принципъ остальныхъ семіографическихъ нотаций, должно было явиться очень рано. Въ теперешнемъ состояніи Византійской музыкальной науки невозможно знать точно эпоху ея происхожденія. Во время недавней научной командировки въ Македонію, Θ. Ив. Успен-

1) Полный текстъ этого фрагмента изданъ первоначально Гербертомъ (Script. Eccl. de Musica). Ср. Christ, Anth. стр. XXX и Pitra, Hymnogr. стр. 42.—Аббатъ Памвъ намекаетъ здѣсь на видъ регентирования при исполненіи пѣнія у Византійцевъ; дѣйствительно, доместикъ или регентъ лѣваго хора обязанъ былъ бить мѣру рукой и ногой. Въ настоящее время греческіе пѣвцы продолжаютъ топать ногой очень сильно. Чтобы исполнить то же самое, регенты хора у древнихъ надѣвали себѣ деревянные сапоги и помѣщались на звучныхъ предметахъ. Съ того времени сдѣлали значительный успѣхъ!

2) Ἡ ἐπινόησις τῆς παρρησιαντικῆς и т. д. Παρνασσός, 9 (1885), стр. 414 и далѣе.

скій открылъ три листа одного нотированнаго Евангелія, написаннаго большими унциалами, по всей вѣроятности VII-го вѣка. До сихъ поръ мы не могли открыть по отношенію къ экфонетической нотации документовъ ранѣе этой эпохи. Ничего не потерявши отъ своего частнаго характера, музыкальное письмо Евангелій произвело тотчасъ (*donna bientôt naissance*) два другихъ рода семіографическихъ нотаций. Первый, который я назову Константинопольскимъ¹⁾ по причинѣ мѣста происхожденія, былъ специально въ употребленіи въ Константинополѣ. Второй, называемый св. Іоанна Дамаскина, такъ какъ смотрятъ на эту знаменитую личность какъ на его автора, былъ прежде вообще болѣе извѣстенъ подъ именемъ Агіополитиса, т. е. нотации, употребляемой во святомъ градѣ Іерусалимѣ²⁾. Будучи въ употребленіи первоначально въ Палестинѣ и Сиріи, это музыкальное письмо быстро распространилось, наконецъ взяло верхъ и совершенно вытѣснило своего соперника, т. е. Константинопольскую нотацию. Слѣдовательно, документы, относящіеся къ этой послѣдней нотации, составляютъ крайнюю рѣдкость. Господинъ Θ. Успенскій былъ весьма счастливъ, открывъ въ Болгарской Митрополичьей библіотекѣ г. Охрида (при церкви св. Климента) первый образецъ этого наидревнѣйшаго музыкальнаго письма въ одной великолѣпной Трїоди X или XI-го вѣка.

«Мы уже знаемъ какъ по хроникамъ монаха Іоакима и митрополита Кипріяна, такъ и по сопоставленію древней русской нотации съ греческой, что Славяне приняли изъ Византіи въ X-мъ вѣкѣ всѣ принципы ихъ традиціонной музыки. Нынѣ, благодаря документу, недавно открытому г. Θ. Успенскимъ, мы счастливы заключить, что заимствованная сѣверными славянами у грековъ нотация эта не Дамаскинская, а бывшая тогда въ употребленіи въ Константинополѣ³⁾».

Вышеприведенная теорія французскаго ученаго аббата, хотя и имѣетъ всѣ преимущества передъ остальными, извѣстными по тому же предмету теоріями, имѣетъ, однако, и свои слабыя стороны, обуславливаемые какъ недостаточной изслѣдованностью извѣстныхъ наукѣ

1) Мы говоримъ Константинопольскій, а не Византійскій, ибо это послѣднее прилагательное, какъ болѣе общее, приложимо, на самомъ дѣлѣ, скорѣе къ Дамаскинской нотации, оставленной въ послѣдствіи единственною Византійскою нотацией.

2) Предначертанныя границы настоящаго этюда совсѣмъ не позволяютъ намъ говорить здѣсь пространно объ этомъ частномъ вопросѣ, такъ что мы должны посвятить этому вопросу специальную статью.

3) *Etude de musique byzantine: La notation de St. Jean Damascène ou Hagiopolite par J. Thibaut, des Augustins de l'Assomption.* Отдѣльный оттискъ, стр. 4—6.

рукописныхъ памятниковъ, такъ и неполнымъ знакомствомъ автора съ существующей музыкально-археологической литературой. Суть означенной теоріи можно выразить въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: а) «Экфонетическое музыкальное письмо», — эпохи происхожденія котораго аббатъ J. Thibaut не знаетъ, — «какъ принципъ остальныхъ семиографическихъ нотаций, должно было явиться очень рано» и по появленіи «произвело тотчасъ два другихъ рода семиографическихъ нотаций»: Константинопольскій (извѣстное намъ русское знаменное письмо), названный ученымъ Аббатомъ такъ по мѣсту происхожденія, и Агіополитскій (ново-византійское знаменное письмо, впервые появившееся въ законченномъ видѣ въ Византіи въ XII-омъ вѣкѣ) — нотація, употребляемая во святомъ градѣ Іерусалимѣ или, какъ принято говорить, нотація св. Дамаскина. б) Аббатъ J. Thibaut допускаетъ сосуществованіе съ глубочайшихъ временъ (еще задолго до св. Дамаскина) двухъ вышеуказанныхъ нотаций: Константинопольской и Агіополитской. Притомъ послѣдняя, «извѣстная вообще прежде подъ именемъ Агіополитиса, т. е., нотации, употребляемой во святомъ градѣ Іерусалимѣ, будучи въ употребленіи первоначально въ Палестинѣ и Сиріи, быстро распространилась, наконецъ взяла верхъ и совершенно вытѣснила своего соперника — Константинопольскую нотацію». в) Ученый аббатъ, «благодаря документу, недавно открытому г. О. Успенскимъ въ Македоніи, — «первому образцу (sic) наидревнѣйшаго музыкальнаго письма», — заключаетъ, что «заимствованная сѣверными славянами у грековъ нотація эта не Дамаскинская, а бывшая тогда въ употребленіи въ Константинополѣ».

Первый изъ вышеозначенныхъ трехъ пунктовъ выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о времени появленія въ церковно-богослужебныхъ книгахъ Восточной церкви знаменъ экфонетической нотной системы. По мнѣнію почтеннаго аббата, нотированный трехлистый отрывокъ изъ Евангелія, по всей вѣроятности, VII в., открытый недавно О. Ив. Успенскимъ въ Македоніи, самый древній документъ съ экфонетическими нотами: памятника древнѣе послѣдняго съ такими же нотами тотъ же ученый пока не могъ открыть, такъ что знать точно эпоху происхожденія экфонетическаго музыкальнаго письма невозможно. Но аббатъ J. Thibaut не далъ справедливости ни сообщенію англичанина Burney, ни даже доброму напоминанію доктора Тѣтсѣа, повторившаго сообщеніе перваго, что и кодексъ Ефрема Парижской Національной Библіотеки снабженъ (хотя отчасти) экфоне-

тическими нотами. Ученый J. Thibaut въ другой статьѣ¹⁾ даже обличилъ Γζέτης'a въ томъ, что послѣдній забываетъ сообщить дату указанного кодекса, между тѣмъ какъ Γζέτης рѣшительно объ этомъ высказался на 66-й страницѣ своего изслѣдованія²⁾, повторивъ слова Burney, именно, что кодексъ Ефремъ — V-го вѣка. Отсюда видно, что аббатъ J. Thibaut не только не познакомился съ содержаніемъ статьи (въ послѣдствіи книжки) греческаго ученаго. Кодексъ Ефремъ (№ 9) относится, какъ извѣстно, къ V-му вѣку и носитъ, на самомъ дѣлѣ, подобныя ноты. Въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, если справится во второмъ изданіи греческихъ Fac-similés, изданныхъ Henri Omont'омъ. Въ этомъ изданіи помѣщенъ снимокъ³⁾, снятый съ 60-го листа упоминаемаго кодекса, гдѣ наши знаки, несмотря на то, что кодексъ налимисестъ, ясно выдають себя подъ позднѣйшимъ текстомъ. Въ томъ же изданіи помѣщены авторомъ и другіе подобные снимки съ нотами изъ Евангелій VI, VII, VIII и т. д. вѣковъ. Ученый аббатъ, очевидно, не знаетъ и капитальнаго труда русскаго ученаго архимандрита — въ послѣдствіи Преосвященнаго — Порфирія Успенскаго: «Востокъ Христіанскій», гдѣ авторъ еще въ 1877 г. помѣстилъ снимокъ съ экфонетическими нотами изъ того же кодекса⁴⁾, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и дату этого памятника. Вышесказаннымъ доказывается, что французскій ученый ошибается, считая три листа изъ Евангелія VII в. наидревнѣйшимъ въ настоящее время документомъ, откуда мы можемъ знать музыкальные знаки экфонетическаго расписва. Напротивъ, кодексъ Ефремъ служитъ явнымъ свидѣтельствомъ того, что церковно-музыкальная наука давно уже обладаетъ памятникомъ съ экфонетическими нотами, время написанія котораго восходитъ на два столѣтія ранѣе указаннаго аббатомъ времени.

Вопросъ о времени появленія въ христіанской церкви экфонетическихъ знаковъ давно уже тщательно изслѣдованъ и достаточно удовлетворительно рѣшенъ тѣмъ же преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ, такъ что почтенному аббату стояло лишь нѣсколько познако-

1) Etude de musique byzantine: Le chant ekphonétique. См. Byzantinische Zeitschrift, VIII, 1899, стр. 144.

2) Π ἐπιρρήσις τῆς παρασημαντικῆς τῶν κατὰ τὸν μεσαίωνα λειτουργικῶν καὶ ὑμνολογικῶν χειρογράφων τῶν ἀνατολικῶν ἐκκλησιῶν ὑπὸ Ἰ. Δ. Τζέτης, Ἀθήνησιν, 1886, стр. 66.

3) Fac-similés des plus anciens manuscrits grecs. Paris, 1892, tab. III.

4) Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты. Кіевъ, 1877 г., ч. II, стр. 378.

маться съ соответствующимъ мѣстомъ того же капитальнаго труда русскаго автора, чтобы узнать эпоху появленія экфонетическихъ знаковъ въ богослужебныхъ книгахъ греческой церкви. На 379-й страницѣ II-ой части уже цитированнаго сочиненія, преосвященный Порфирій излагаетъ свое заключеніе, къ которому онъ пришелъ «двумя путями, историческимъ и палеографическимъ», по данному вопросу. Это заключеніе — плодъ очень серьезнаго изслѣдованія, а такъ какъ для насъ оно имѣетъ специальное значеніе, то не медлимъ полностью его здѣсь воспроизвести:

1) «На св. текстѣ», — пишетъ преосвященный Порфирій, — «сперва появились просодійные знаки на островѣ Кипрѣ въ четвертомъ вѣкѣ. Ихъ видѣлъ тамъ и описалъ тогдашній отецъ и учитель церкви св. Елифаній.

2) Эта новость въ тотъ же вѣкъ принялась въ Александріи. Здѣсь св. епископъ Афанасій Великій по просодійнымъ знакамъ выучилъ своего чтеца пѣть псалтирь такъ, что слышалось не столько пѣніе, сколько чтеніе: а діаконъ Евѡалій намѣтилъ эти знаки (462 г.) на Дѣяніяхъ и Соборныхъ посланіяхъ апостоловъ.

3) Къ этимъ знакамъ прибавилъ читально-пѣвческія знаменія св. Іоаннъ Златоустъ, которому царица прислала своего придворнаго регента для обученія пѣвцовъ его.

Нашель!

Нашель!

Нашель: двумя путями, историческимъ и палеографическимъ!

Вышеприведенной выдержкой, напомнивъ читателю эпоху появленія впервые экфонетическихъ знаковъ въ священныхъ текстахъ христіанской церкви, мы переходимъ къ разбору перваго изъ вышенамѣченныхъ трехъ пунктовъ теоріи аббата J. Thibaut. Сообразно съ содержаніемъ этого пункта, послѣдній признаетъ, «какъ принципъ остальныхъ семиографическихъ нотацій», лишь одни знаки экфонетической системы. Послѣдніе по своему появленію произвели «тотчасъ два другихъ рода семиографическихъ нотацій»: Константинопольскій и Агіополитскій, или св. Дамаскина. Прежде чѣмъ высказаться такъ категорически, почтенному ученому слѣдовало предварительно прибѣгнуть къ изслѣдованію надревнѣйшихъ славянскихъ музыкально-богослужебныхъ памятниковъ — Кондакарей, гдѣ аббатъ J. Thibaut нашель бы новый и богатый матеріалъ для своей теоріи. Послѣдній не обратилъ своего вниманія на глубокой древности византійскіе распѣвы,

именно: на антифонный, стихирный, особенно, на кондакарный¹⁾, въ семантикѣ которыхъ фонетическими нотами, т. е. «мелодическими звуками», служатъ не только экфонетическіе знаки, но еще много другихъ знаменъ, ничего общаго съ экфонетическими не имѣющихъ, и похожихъ скорѣе всего на греческія буквы въ ихъ всевозможныхъ положеніяхъ, видахъ, комбинаціяхъ и палеографическихъ начертаніяхъ, и сохранившіеся, впрочемъ, единственно въ Россіи въ пяти извѣстныхъ кондакаряхъ и отчасти въ немногихъ другихъ богослужебныхъ книгахъ. Такимъ образомъ, если лишь немногія знамена экфонетической нотной системы, т. е. греческія ударенія, знаки препинанія и мѣры, однимъ словомъ, знаки просодія послужили принципомъ остальнымъ церковно-византійскимъ семиграфическимъ нотаціямъ, то какимъ образомъ объяснить наличность столькожъ другихъ знаковъ, повидимому, буквъ съ нотнымъ фонетическимъ значеніемъ главнымъ образомъ въ кондакарной нотаціи и частью въ антифонной и стихирной? Антифонный и стихирный распѣвы, составляющіе особые виды кондакарнаго знамени и открытые нами недавно (въ 1904 г.) въ кондакаріяхъ Московской Синодальной Библіотеки²⁾, въ своемъ нотномъ однострочномъ изложеніи наряду съ экфонетическими знаменами употребляютъ, какъ это видно изъ нашихъ снимковъ³⁾, и буквы алфавита, хотя очень мало, но все же съ нотнымъ фонетическимъ значеніемъ. Далѣе, буквами почти изложена, большею частью, верхняя строка трехстрочной кондакарной нотной системы (въ ней, — верхней строкѣ, — нѣкоторые замѣчаютъ знаки мелодическіе — «мелодическое выраженіе», — а не фонетическіе), но немало встрѣтишь подобныхъ знаковъ и во второй строкѣ (гдѣ преимущественно встрѣчаются экфонетическія знамена) въ качествѣ фонетическихъ нотъ, т. е. «мелодическихъ звуковъ». Кондакари Московской Синодальной Библіотеки, въ которыхъ преобладаетъ двухстрочное изложеніе кондакарнаго распѣва, являе показываютъ и удостовѣряютъ фонетическую роль буквенныхъ знаменъ, такъ какъ подъ послѣдними находятся отдѣльные звуки. Ясно отсюда, что эти знамена, похожія на буквы, употреблялись не только, какъ принято на нихъ

1) Кондакарный распѣвъ, названный греческимъ распѣвомъ еще въ 1886 г. протоіереемъ Д. Разумовскимъ (см. Теорія и практика церковнаго пѣнія, Москва. 1886 г., стр. 83—85), уже давно извѣстенъ въ литературѣ.

2) См. кондакаръ № 9 л. 181, 153, 154 и 155; также кондакаръ № 777, л. 101—105.

3) См. наши снимки: №№ I, II, III и IV.

смотрѣть, для хирономической техники (регентуры) domestikовъ, но также и для вокальнаго пѣнія наряду съ остальными знаменами. Какъ видно изъ предыдущаго, заключеніе почтеннаго ученаго въ такомъ важномъ вопросѣ, каковымъ является объясненіе происхожденія разныхъ семіографическихъ византійскихъ нотаций, весьма поспѣшно и не всесторонне отъ того, думается, что онъ не имѣлъ понятія о существованіи въ Византіи въ глубокой древности столькихъ алфавитно-знаменныхъ нотаций. Такого множества греческихъ буквъ, замѣчаемаго въ вышеуказанныхъ нотацияхъ, особенно въ кондакарной, правда, мы не встрѣчаемъ въ остальныхъ, аббатомъ упоминаемыхъ византійскихъ нотацияхъ — Константинопольской и Агіополитской (буквъ тамъ почти-что нѣтъ). Но это какъ разъ и служитъ несомнѣннымъ признакомъ какъ древности вышеупомянутыхъ трехъ нотаций, такъ и позднѣйшаго происхожденія послѣднихъ. Вѣдь буквы греческой азбуки первоначально, какъ извѣстно изъ гимновъ Амвросія, были первыми нотами, которыми въ теченіе первыхъ столѣтій пользовались христіане для своихъ музыкально-богослужебныхъ нуждъ. Просодійные-же знаки, хотя и существовали еще до Р. Христова¹⁾, но въ церковь вошли лишь въ IV-омъ вѣкѣ. Такимъ образомъ, вполне естественно допустить, что христіане первыхъ вѣковъ въ извѣстное время, впрочемъ, не раньше IV-го вѣка, воспользовались изъ традиціонной музыки паличнымъ матеріаломъ — какъ буквами, такъ и просодійными знаками, — чтобы въ извѣстномъ ихъ распредѣленіи исполнять (по новымъ смѣшаннымъ нотациямъ, способнымъ удовлетворять новыя музыкальныя потребности того времени) болѣе сложныя и болѣе искусственныя мелодіи, чѣмъ тѣ, которыя они практиковали на самыхъ первыхъ порахъ. Также вполне допустимо, что экфонетическія знамена, какъ болѣе соответствующія христіанскому духу ноты, въ силу развѣ преобладанія акцента (ictus) въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, впоследствии могли выдѣлиться изъ этихъ смѣшанныхъ нотаций, съ тѣмъ, чтобы образовать новыя нотации, свободныя отъ буквенныхъ погѣ. Изъ всего вышесказаннаго ясно, что утвержденіе почтеннаго аббата, будто «по своемъ появленіи экфонетическое музыкальное письмо произвело тотчасъ два другихъ рода семіографическихъ нотаций — Константинопольскій и Агіополитскій», — совер-

1) По сообщенію, какъ извѣстно, Иродіана, жившаго при Маркѣ Авреліѣ (II в. по Р. Хр.), просодійные знаки изобрѣтены Аристофаномъ Византійцемъ, жившимъ въ концѣ III в. до Р. Хр.

ленно ошибочно: появленію послѣднихъ предшествовало появленіе другихъ смѣшанныхъ алфавитно-знаменныхъ потацій. Также, принимая во вниманіе фонетическую роль буквъ наряду съ остальными просодійными фонетическими знаками въ вышеуказанныхъ потаціяхъ — антифонной, стихирной и кондакарной, слѣдуетъ допустить, что въ принципѣ византійской семантики лежать не одни лишь знаки Просодіи, но въ извѣстной степени и буквы греческаго алфавита.

Сообразно съ содержаніемъ вышенамѣченнаго второго пункта, аббать J. Thibaut допускаетъ сосуществованіе съ древнѣйшихъ временъ двухъ семиграфическихъ потацій: Константинопольской и Агіополитской, или св. Дамаскина. При этомъ онъ признаетъ, что «вторая была прежде болѣе извѣстна подъ именемъ Агіополитиса — потація, употребляемой во святомъ градѣ Іерусалимѣ, — и что она, будучи въ употребленіи первоначально въ Палестинѣ и Сиріи, быстро распространилась, наконецъ, взяла верхъ и совершенно вытѣснила своего соперника — Константинопольскую потацію». Какими бы соображеніями или основаніями ни руководился почтенный аббать, редактируя такое положеніе, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ съ нимъ согласиться потому, что не находимъ никакихъ твердыхъ научныхъ основаній въ пользу его положенія. Для подобнаго утвержденія основаніями, безъ сомнѣнія, должны были служить или историческія свидѣтельства, или древнѣйшіе византійскіе музыкально-богослужебные памятники. Но изъ первыхъ автентичныхъ свидѣтельствъ ни одно въ пользу его не говоритъ, за исключеніемъ извѣстнаго ученымъ памятника «Святоградецъ» (Ἀγιοπολίτης), который, впрочемъ, какъ дальше нами будетъ доказано, не настолько или, вѣрнѣе сказать, совершенно не компетентенъ, чтобы онъ одинъ могъ рѣшить такой вопросъ. Что касается вторыхъ источниковъ, то о нихъ надо сказать слѣдующее: музыкально-богослужебныхъ памятниковъ съ законченной потаціей, такъ называемой Агіополитской, или св. Дамаскина, ранѣе XII в., о чемъ уже мы успѣли пространно сообщить въ первой нашей статьѣ, не существуетъ¹⁾. Послѣдніе начинаютъ являться лишь съ конца XI-го в., а потому они не могутъ служить основаніемъ для какихъ-нибудь соображеній въ пользу допущенія сосуществованія пздавна двухъ вышеупомянутыхъ потацій. Такимъ образомъ, если у насъ существо-

1) См. Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Императорскимъ Археологическимъ Институтомъ, вып. XVII, С.-Петербургъ, 1906 годъ, стр. 151.

вали богослужебные памятники, хоть VIII, IX, X и XI в.в. съ такою именно системой нотъ, съ каковою мы встрѣчаемся въ XII, XIII, XIV и послѣдующихъ вѣкахъ, то мы могли бы допустить давнишнее сосуществованіе двухъ упомянутыхъ знаменныхъ нотаций и предположить, что такъ называемая агіополитская нотація первоначально была въ употребленіи въ Палестинѣ и Сиріи, что опять-таки нужно бы было доказать. Но таковыхъ памятниковъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ Агіополитская, или нотація св. Дамаскина, — произведеніе позднѣйшихъ временъ, а потому мы затрудняемся признать сосуществованіе упомянутыхъ нотаций ранѣе XII вѣка. Слѣдовательно, на основаніи данныхъ нотныхъ памятниковъ дается намъ право утверждать, что такъ называемая Агіополитская нотація ранѣе XII в. не существовала, и что св. градъ Іерусалимъ вмѣстѣ съ Палестиною и Сиріей до этого времени подобной нотации не видалъ. Здѣсь, однако, допустимо одно возраженіе: такъ какъ преданіе упорно говоритъ, что св. І. Дамаскинъ былъ изобрѣтателемъ музыкальныхъ знаменъ, то, быть можетъ, эта нотація существовала въ VIII-омъ вѣкѣ вдали отъ столицы — въ Палестинѣ и Сиріи, — оттуда скоро появилась въ Константинополѣ, и постепенно вытѣснила прежнюю знаменную нотацію. Но по тщательномъ изслѣдованіи первоисточниковъ преданія — хронографовъ и біографовъ св. І. Дамаскина, — мысли, что послѣдній былъ изобрѣтателемъ какихъ-нибудь нотъ, мы не можемъ допустить. Тамъ ничего подобнаго мы, по крайней мѣрѣ, не нашли. Впрочемъ, всѣ ученые музыко-археологи, занимавшіеся тѣмъ же вопросомъ, въ настоящее время сходятся въ этомъ пунктѣ; да этого и самъ аббатъ J. Thibaut не отрицаетъ¹⁾. По мнѣнію послѣдняго, однако, Дамаскинская нотація «была прежде» — разумѣется до Дамаскина — «вообще болѣе извѣстной подъ именемъ Агіополитиса, т. е. нотации, употребляемой во св. градѣ Іерусалимѣ». Спрашивается, на какомъ основаніи французскій ученый допускаетъ подобную мысль? Не на основаніи ли Святоградца? Но о компетентности этого пѣвческаго руководства у насъ будетъ рѣчь нѣсколько ниже. Почтенный аббатъ въ разбираемой статьѣ (стр. 6) уже давно обѣщалъ писать пространно объ этомъ вопросѣ въ спеціальной статьѣ, которая до сихъ поръ почему то, однако, не явилась въ печати. Во всякомъ случаѣ, намъ думается, что аббатъ J. Thibaut въ извѣстной степени повторялъ мысль доктора Τζέτζης'a

1) La notation de St. J. Damascène ou Hagiopolite, стр. 7.

прежде чѣмъ тщательно разобраться въ этомъ вопросѣ. Последній ученый формулируетъ свое мнѣніе такъ: «церковная музыка, кажется, около VI вѣка раздѣлена на двѣ части: на музыку, употребляемую въ Константинопольской Церкви (это выраженіе послужило, очевидно, аббату основаніемъ назвать древне-византійское письмо нотацией Константинопольской), которую мы называемъ въ отличіе византійскою, и которая постепенно слилась съ театральной музыкой, и на музыку Іерусалимской церкви, которая и сохранила подлинный церковный отгѣшокъ, въ отличіе называемую еще у Византійцевъ агіополитскою»¹⁾. Какъ бы то ни было, но кодексъ (№ 9) библіотеки коммерческаго училища на островѣ Халкѣ, который почтенный ученый называетъ прекраснымъ Октоихомъ IX или X-го вѣка²⁾, даетъ, повидимому, намеки послѣднему предполагать, что такъ называемая агіополитская нотация существовала въ IX-омъ вѣкѣ и почему то раньше Дамаскина. Но памятникъ этотъ и въ томъ даже случаѣ, если бы онъ дѣйствительно принадлежалъ IX или X-ому вѣку, не можетъ представить достаточнаго ручательства за первоначальное существованіе упомянутой нотации въ Палестинѣ и Сиріи, а тѣмъ болѣе ранѣе Дамаскина. Памятникъ этотъ относится, какъ мы уже сообщили въ первой нашей статьѣ, къ концу XII или началу XIII вѣка. Такимъ образомъ, упомянутый памятникъ никакихъ намековъ въ пользу такого мнѣнія не можетъ давать.

Теперь мы приступимъ къ разбору единственнаго письменнаго памятника, гдѣ хотятъ видѣть существованіе такъ называемой агіополитской нотации еще до Дамаскина въ Палестинѣ и Сиріи—«Святограда», но прежде скажемъ нѣсколько словъ о томъ преданіи, по которому изобрѣтателемъ знаковъ упоминаемой нотации является, какъ говорятъ, св. І. Дамаскинъ. Это преданіе, хотя оно, дѣйствительно, до нѣкоторой степени зиждется на извѣстномъ памятникѣ Парижской Національной Библіотеки «*Ἀγιολιτικὴ*» (№ 360), въ которомъ, впрочемъ, не указывается лицо изобрѣтателя такъ называемыхъ Дамаскинскихъ нотъ,—главнымъ образомъ распространилось, какъ извѣстно, нѣкоторыми византійскими руководствами по церковному пѣнію позднѣйшаго періода. Значеніе и компетентность этихъ и подобныхъ имъ памятниковъ въ рѣшеніи столь важнаго научнаго вопроса, можно сказать, уже взвѣшены послѣ на-

1) Журналъ *Παρθένος*, т. VI, вып. VI. Въ Афинахъ, 1882 г., стр. 467.

2) La notation de St Jean Damascène ou Hagiopolite, стр. 3.

шихъ изслѣдованій, а также научныхъ трудовъ Fetus'a, Σαθας'a, Γζέτζης'a и другихъ ученыхъ, тщательно разыскивавшихъ и ничего не нашедшихъ такого, какъ извѣстно, въ хронографахъ и біографахъ св. I. Дамаскина, — служащихъ первоисточниками для каждаго ученаго въ вопросѣ о жизни и дѣятельности послѣдняго святаго, — что могло дать хоть какой-нибудь намекъ на изобрѣтеніе св. Дамаскинымъ какихъ-либо нотъ. На самомъ дѣлѣ, если автентичные первоисточники, — хронографы и біографы св. I. Дамаскина, — ничего не говорятъ объ изобрѣтеніи имъ музыкальных нотъ, то какую долю правды можно приписать второстепеннымъ источникамъ — руководствамъ по современному ихъ авторамъ пѣнію, составленнымъ спустя долгое время по паденіи Константинополя и сверхъ того противорѣчащимъ другъ-другу въ указанія лица, изобрѣтавшаго такъ называемую Дамаскинскую нотацию? Понятно, что сообщаемыя этими источниками свѣдѣнія — не что иное, какъ вымыселъ нѣкоторыхъ византійскихъ пѣвцовъ турецкаго періода, привыкшихъ приписывать по невѣдѣнію или изъ-за авторитета чужія произведенія тѣмъ или другимъ знаменитостямъ, своими заслугами или трудами проявившимъ когда-то себя въ музыкальномъ искусствѣ. Такъ, напр., по одному пѣвческому руководству (Гавріила іеромонаха, жившаго въ концѣ XVII в.), изобрѣтателемъ нотъ является, по словамъ нѣкоторыхъ современныхъ автору лицъ, Птолемей мусикійскій ¹⁾; по другому анонимному трактату XVII-го вѣка (повидимому, Хрисафи Новаго, жившаго въ XVII-омъ вѣкѣ), творцами нотъ были св. I. Златоустъ, затѣмъ св. I. Дамаскинъ и Косма Майюмскій ²⁾. Какъ видно отсюда, о послѣднихъ руководствахъ остается сказать, что они противорѣчатъ другъ другу въ данномъ отношеніи, а составители ихъ,

1) Φασὶ γάρ τινες ὡς τοῦ Πτολεμαίου εἰσὶ ταῦτα. См. Παράρτημα 'Εκκλησιαστικῆς 'Αληθείας: 'Ερμηνεία τοῦ ἐν τοῖς πατριαρχείοις ἔδρουντος 'Εκκλησιαστικῆς Μουσικῆς Συλλόγου. Въ Константинополѣ, 1900 г., Июньская книжка, выпускъ 2-й, стр. 81. Весь пѣвческій трактатъ Гавріила іеромонаха, хранящійся въ подвор. св. Гроба (код. № 811) въ Константинополѣ, изданъ іеродіакономъ Іаковомъ Архатзикаки на страницахъ 75 — 96 цитируемаго журнала «Церковнаго музыкальнаго общества» въ Константинополѣ.

2) Οἱ ἄγιοι, ὃ τε ἅγιος Ἰωάννης ὁ Δαμασκηνὸς καὶ πρὸ τούτου ὁ Χριστότομος Ἰωάννης καὶ ὁ ἅγιος Κосμάς ὁ ποιητής, καὶ ἐποίησαν τόνους καὶ σημάδια πρὸς ἀνάμνησιν καὶ δόξαν Θεοῦ καὶ ἐκκλησιασμένων. См. у Порфирія Успенскаго: «Первое путешествіе въ Афонскіе монастыри и скиты», ч. II, стр. 373. Ср. также у Γζέτζης: 'Η ἐπινόησις τῆς παρασημαντικῆς, стр. 63 и у J. Thibaut: La notation de St. Jean Damascène ou Hagiorpolite, стр. 7 (здѣсь ссылка дѣлается прямо на анонимный трактатъ под. № 811 Святогробской Библіотеки въ Константинополѣ).

не зная исторіи развитія потнаго письма, но, желая дать современной имъ нотаціи авторитетъ, приписывали ея изобрѣненіе каждый по своему усмотрѣнію или по словамъ другихъ—одному или нѣсколькимъ изъ сохранившихся по преданію среди пѣвцовъ историческихъ знаменитостей въ музыкальномъ, пѣвческомъ и пѣснотворческомъ искусствѣ.

Почти нѣчто подобное можно бы было сказать и по адресу неизвѣстнаго составителя руководства вообще по пѣнію, озаглавленнаго Ἀγιολιτικῆς, содержащаго, между прочимъ, и ноты такъ называемой агіополитской нотаціи, хотя, нужно замѣтить, авторъ послѣдняго руководства не по тому же мотиву, а по извѣстной, какъ увидимъ далѣе, причинѣ далъ своей книгѣ такое подписаніе, сбившее многихъ съ толку. Авторъ послѣдняго руководства вовсе не приписываетъ изобрѣненіе описываемыхъ въ немъ потъ св. Дамаскину или какому-нибудь другому агіополитскому святому. Онъ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ тамъ ничего не говоритъ. Тѣмъ не менѣе, суди по заглавію и предисловію «Святоградца», авторъ послѣдняго какъ бы вообще приписываетъ содержаніе своего руководства агіополитскимъ святымъ, отъ чего произошла путаница въ умахъ ученыхъ, которые и называютъ извѣстную намъ съ XII-го вѣка нотацію агіополитской. Вотъ почему, думается, и аббатъ J. Thibaut, хотя и не приписываетъ изобрѣненіе послѣдней св. Дамаскину, а повторяя отчасти мнѣніе Τζετζίς'а, однако, называетъ ее Агіополитской. Но познакомимся поближе съ этимъ памятникомъ.

«Святоградецъ», который раньше считали очень древнимъ памятникомъ (X — XI в.), оказывается бомбицинскою рукописью XIV—XV в., составленною и изданною въ такое время, когда такъ называемая агіополитская нотація уже была во всеобщемъ употребленіи въ Византійской имперіи. По словамъ директора и профессора Николая В. Покровскаго, имѣвшаго счастье близко познакомиться въ Парижѣ съ упомянутымъ памятникомъ, послѣдній «относится, если не къ XIV-ому, то скорѣе къ XV-ому вѣку». Дѣйствительно, слова эти подтверждаются и Henri Omont'омъ, извѣстнымъ палеографомъ, составившимъ каталоги Парижской Національной Библіотеки, который въ своемъ «Инвентарѣ»¹⁾ относитъ нашъ памятникъ къ XIV-ому вѣку.

1) Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nat. Première partie, Paris, 1886, стр. 37.

Можно теперь себѣ представить, насколько компетентенъ этотъ памятникъ, чтобы подтвердить какъ сообщенія позднѣйшихъ руководствъ объ изобрѣтеніи св. I. Дамаскинымъ нотъ, такъ и высказанную аббатомъ J. Thibaut мысль о якобы первоначальномъ употребленіи такъ называемой агіополитской нотаци въ Палестинѣ и Сиріи. Заглавіе и предисловіе—единственныя мѣста сего памятника, въ которыхъ усматриваютъ существованіе упоминаемой въ послѣднемъ нотаци въ Палестинѣ и Сиріи даже до Дамаскина, называя ее Агіополитской,—таковы: «Книга Святоградецъ, состоящая изъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ [методовъ]. — «Святоградцемъ эта книга называется потому, что содержитъ (въ себѣ) [что? творенія ли?] нѣкоторыхъ святыхъ и подвижниковъ, жизнью своею просіявшихъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, со[ставленные или составленная—книга?] Киръ-Космой и Киръ-Іоанномъ Дамаскинымъ пѣснотворцами. Въ ней поются восемь гласовъ; но будетъ до[казано?], что это ложь, потому что шестой гласъ большею частью поется какъ второй, какъ, напр.: «Побѣду имѣя Христе, юже на ада», и «Тебе на водахъ», а также сколько другихъ (пѣснопѣній) составлено [и Киръ Космой и?] Киръ Іоанномъ Дамаскинымъ (и другими?). Сколько же по образцу: «Крестъ начертавъ Моисей» и другихъ (пѣснопѣній) немало. Итакъ, выводъ отсюда, что не однихъ только восемь (гласовъ) поется, но десять. Слѣдуетъ же намъ, когда мы собираемся пѣть или учить, начинать припѣвомъ. Припѣвъ есть» и т. д.¹⁾ Изъ вышеприведенной выдержки упомяну-

1) Не имѣя возможности, къ сожалѣнію, пользоваться подлинникомъ «Святоградца», мы при составленіи настоящаго изслѣдованія имѣли подъ руками вѣрную копію съ него, составленную г. О. Синсеномъ для С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотеки при незабвенномъ ея Директорѣ А. О. Бычковѣ. Вотъ подлинныя слова изъ сего списка даннаго нами выше перевода: Βιβλίον Ἀγιοπολίτης συγχροτούμενον ἐκ τινων μουσικῶν μεθόδων.—Ἀγιοπολίτης λέγεται τὸ βιβλίον, ἐπειδὴ περιέχει ἁγίων τινῶν καὶ ἀσκητῶν βίῳ διαλαμπάντων..... ἐν τῇ ἀγίᾳ πόλει τῶν Ἱεροσολύμων, συγ(συ)γραφέν(ς) παρὰ τε τοῦ κυροῦ Κ..μᾶ (Κοσμᾶ) καὶ τοῦ κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ τῶν ποιητῶν ἥκους δὲ—ἐν τούτῳ ὁκτὼ φάλλεσθαι ἔσται δὲ τούτο ἀπ(ἀ)ποδεξιγμένον(ς) ψευδές. ὁ γὰρ πλάγιος δευτέρου ὡς ἐπὶ τὸ πλείστον ὡς δευτέρος φάλλεται, ὡς τὸ, Νίχην ἔχων Χριστὲ τὴν κατὰ τοῦ ἁδου καὶ Σε τὸν ἐπὶ ὁδάτων καὶ ἄλλα ὅσα παρὰ τε τοῦ Κοσμᾶ καὶ) τοῦ κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ(καὶ ἑτέρων) συνετίθησαν. ὅσα δέ.....τοῦ ὡς....ἄλλα,....ἐπὶ τῷ Σταυρῷ χαράξας Μωσῆς καὶ ἕτερα οὐκ ὀλίγα. ἔστιν οὖν ἐκ τούτων γινώσκει, ὅτι οὐκ ὁκτὼ μόνοι φάλλονται, ἀλλὰ δέκα. δεῖ δὲ ἐν τῷ μέλλειν ἡμᾶς φάλλειν ἢ διδάσκειν, ἄρχεσθαι μετὰ ἐνηχήματος. ἐνήχημα δὲ ἐστὶν и т. д. Кодексъ С.-Пб. И. П. Б-ки № 140. а. 1. Въ вышеизложенной выдержкѣ переписчикъ Петербургскаго списка напечаталъ слогъ συ., принявъ за первый слогъ глагола συγγραφέω, восстановилъ такъ: συγγραφέν. Думается, что въ подлинникѣ имѣется на лицѣ не συ., а συν—первая составная часть глагола συντίθεμαι. На это

таго памятника, во первыхъ, заключаемъ, что послѣдній есть произведение разнообразнаго по музыкѣ содержанія: «Книга Святоградецъ, состоящая изъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ методовъ». Во-вторыхъ, явствуетъ, что руководство неизвѣстнаго автора конца XIV или начала XV в. называется «Святоградцемъ» потому, что въ немъ помѣщены творенія нѣкоторыхъ святыхъ и подвижниковъ, жизнью своею просіявшихъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, *отчего надписаніе его: «Святоградецъ» является, по характеру помѣщенныхъ въ немъ твореній, уважительнымъ заглавіемъ. Въ-третьихъ, если недописанное слово, первый слогъ котораго на лицо: συγ., читать συγγραφέν и относить его къ βιβλίον, то получимъ, что «Святоградецъ» (въ его подлинникѣ) принадлежитъ перу св. Космы и І. Дамаскина; но если, вмѣсто συγγραφέν, читать συγγραφέντα или συντεθέντα и относить послѣднее къ отсутствующему и легко подразумеваемому слову (пробѣлъ на лицо) ποιήματα (творенія), то получится такой смыслъ: нашъ «Святоградецъ» названъ такъ потому, что въ немъ помѣщены творенія нѣкоторыхъ святыхъ и подвижниковъ, жизнью своею просіявшихъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, написанныя (составленныя) Кирь-Космой и Кирь-Іоанномъ Дамаскинымъ пѣснотворцами. Въ-четвертыхъ, видно, что въ этой книгѣ — «Святоградцѣ» поются восемь гласовъ. Наконецъ, въ-пятыхъ, доказывается мимоходомъ на основаніи мелодическаго состава агіополитскихъ пѣснопѣній какъ изъ Октоиха, такъ и изъ Ирмолога, что «въ этой» — книгѣ «Святоградецъ» поются не восемь гласовъ, а на самомъ дѣлѣ — десять.

Для хорошо знакомаго съ содержаніемъ дошедшаго до насъ отрывка изъ нашего «Святограда» всѣ вышеприведенныя данныя не совсѣмъ вяжутся между собою. Исследователю, для того чтобы провести нѣкоторую связь между ними, придется, безъ сомнѣнія, принять редакцію συγγραφέντα или συντεθέντα (сочиненныя, написанныя, составленныя). Но и послѣ этой операціи все же останется нѣчто непонятнымъ, а именно: въ предисловіи «Святограда» говорится, что въ этой книгѣ — «Святоградцѣ» поются восемь гласовъ плюсъ два; зачѣмъ же въ этомъ самомъ Святоградцѣ дается теорія не восьми, не десяти, а

намекаетъ форма συντεθέντων, имѣющаяся на лицо въ той же выдержкѣ нѣсколько ниже. Поэтому возстановленіе недописаннаго слова въ слѣдующемъ видѣ: συν[τεθέντα] — составленныя (творенія) намъ кажется болѣе правильнымъ. Впрочемъ, отъ принятія первой или второй редакціи преслѣдуемая нами цѣль нисколько не страдаетъ.

шестнадцать гласовъ съ многочисленнымъ количествомъ второстепенныхъ гласовъ? Наконецъ, отчего не дается пѣніе этихъ гласовъ, а предлагается именно теорія? Вѣдь тамъ написано «поются» (ψάλλε-
ται). Чтобы правильно понять подлинный смыслъ вышеприведенной выдержки изъ нашего «Святоградца», нужно, думается, предварительно немного разобраться въ содержаніи послѣдняго, отъ чего и будетъ зависѣть какъ подлинное возстановленіе и пониманіе предисловія, такъ и наша конечная цѣль.

Итакъ, прочитавъ по возможности внимательно нашъ «Святоградецъ», впрочемъ, по Петербургскому списку, мы допустили бы большую ошибку, если бы захотѣли видѣть въ его содержаніи непосредственный слѣдъ пера (конечно, не въ спискѣ XIV—XV в., а въ предполагаемомъ подлинникѣ) св. Космы и I. Дамаскина. Дѣло въ томъ, что помимо своего полемическаго характера: (въ этой (книгѣ) поются восемь гласовъ; но будетъ доказано, что это ложь; вѣдь и г. д., затѣмъ: «итакъ, выводъ отсюда, что не только восемь (гласовъ) поются, но десять», — который обличаетъ иѣвца, копающагося въ твореніяхъ агіополитскихъ святыхъ и откапывающаго въ нихъ истинное число гласовъ и въ тоже время уличающаго какъ бы этимъ въ неточности работу св. Дамаскина въ установленіи осмогласія Октоихомъ; помимо всего этого, «Святоградецъ» съ точки зрѣнія состава и стиля языка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписанъ въ предположенномъ подлинникѣ перу выдающихся мужей VIII в. Вульгарность въ составѣ языка и многія другія стилистическія грубости въ разбираемомъ памятникѣ, намекающія на полный почти упадокъ византійскаго языка, переживавшійся Византіей въ ея послѣднія тяжелыя времена, намекаютъ на фабрикацію послѣдняго въ позднія времена и служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ достаточнымъ основаніемъ къ исключенію изъ области предположеній редакціи συγγραφεὺν и, слѣдовательно, мысли, будто нашъ памятникъ въ предположенномъ подлинникѣ могъ быть составленъ рукою св. Космы и I. Дамаскина. Въ такомъ случаѣ уместно спросить: разъ рукою святоградскихъ святыхъ VIII в. не составленъ въ его подлинникѣ нашъ «Святоградецъ», а есть фабрикація позднѣйшихъ временъ, то отъ кого послѣдній могъ получить свое надписаніе: Ἀγιοπολίτης? Это, безъ сомнѣнія, не кто иной, какъ составитель нашего иѣвческаго руководства, который, помѣстивъ въ немъ творенія агіополитскихъ святыхъ, такимъ образомъ по уважительной причинѣ озаглавилъ свою книгу:

«Святоградецъ». А такъ какъ достоверно извѣстно, что послѣдняя писана въ концѣ XIV или началѣ XV-го вѣка, то ясно, что съ этихъ поръ новѣйшая и современная автору «Святоградца» нотація, извѣстная намъ только съ XII в., свѣдѣнія о которой помѣщены въ послѣднемъ, могла официально уже называться Агіополитской¹⁾. Это во первыхъ.

Во-вторыхъ, на основаніи словъ «Святоградца»: «Святоградецъ эта книга называется потому, что содержитъ (въ себѣ) [творенія] нѣкоторыхъ святыхъ и подвижниковъ, жизнью своею просіявшихъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ» вовсе нельзя думать, что въ этой самой книгѣ не должно или не можетъ содержаться чего-то другого, далеко не принадлежащаго твореніямъ этихъ «нѣкоторыхъ» агіополитскихъ святыхъ. Авторъ сего руководства не ограничиваетъ читателя въ предисловіи какимъ-нибудь нарѣчіемъ въ родѣ: лишь, только, исключительно, чтобы послѣдній подумалъ, что въ этомъ памятникѣ, кромѣ агіополитскихъ твореній, не содержится сверхъ того еще чего-то. Съ другой стороны, если внимательно прочесть весь дошедшій до насъ отрывокъ изъ «Святоградца», то мы увидимъ, что въ немъ ничего не говорится устами св. Космы и І. Дамаскина, какъ и слѣдовало ожидать читателю, судя по предисловію этого памятника, безразлично — подъ какой бы редакціей суть его ни понимать: συγγραφεὶν или συγγραφέντα, или συντεθέντα. Напротивъ, все подъ-одно, съ начала до конца передается учителемъ по пѣнію конца XIV или начала XV-го вѣка; поэтому едва ли кто можетъ поручиться за то, что въ нашемъ «Святоградцѣ» могутъ содержаться исключительно творенія агіополитскихъ святыхъ, и что въ немъ не можетъ включаться нѣчто въ родѣ учительскаго вклада автора. На самомъ дѣлѣ, если въ нашемъ «Святоградцѣ» содержится исключительно творенія нѣкоторыхъ агіополитскихъ святыхъ, если все содержащееся въ этомъ памятникѣ принадлежало всецѣло перу св. Космы и І. Дамаскина, то почему авторъ XIV—XV в. не предо-

1) Слово «официально» мы здѣсь употребляемъ по отношенію какъ къ современнымъ автору руководства, такъ и позднѣйшимъ пѣвцамъ, для которыхъ «Святоградецъ» могъ служить официальнымъ по недоразумѣнію источникомъ, между прочимъ, плохо понятымъ въ вопросѣ объ изобрѣтеніи Агіополитской нотаціи, откуда каждый пѣвецъ могъ почерпнуть свѣдѣнія по разнымъ церковно-музыкальнымъ вопросамъ. Неофициально же наша нотація могла прежде называться Агіополитской, впрочемъ, не ранѣе XII в. потому, что пѣвцы XII, XIII и XIV вв., исполняя пѣнопѣніи агіополитскихъ по происхожденію святыхъ по наличной нотаціи, могли, быть можетъ, представлять себѣ, конечно, но невѣднью, будто современная имъ нотація обязана своимъ происхожденіемъ жителямъ св. града — агіополитамъ.

ставляетъ этимъ свѣтиламъ самимъ говорить о музыкѣ, а, вмѣсто изложенія, писаннаго св. К. и I. Дам., позволяетъ себѣ разсужденія, опроверженія и новыя положенія, подрывая какъ бы этимъ авторитетность св. Дамаскина въ установленіи осмогласія: «Въ этой (книгѣ) поются восемь гласовъ, но будетъ доказано, что это ложь, потому что» и т. д. и далѣе: «Итакъ выводъ отсюда, что не только восемь (гласовъ) поются, но десять»? Если, наконецъ, доказано авторомъ и разъяснено имъ, что «въ этой» — книгѣ «Святоградцѣ» «поются не только восемь гласовъ, но и десять», то отчего онъ не даетъ теоріи лишь этихъ десяти гласовъ, а предлагаетъ своимъ ученикамъ, вмѣсто десяти, теорію шестнадцати (даже съ многочисленнымъ количествомъ второстепенныхъ) гласовъ, поющихя, по словамъ того же автора, въ Асмѣ, а не въ «Святоградцѣ»: «... и достигли числа шестнадцати гласовъ, которые поются въ асмѣ (εἰς τὸ ἄσμη), а десять (гласовъ), какъ раньше нами сказано, — въ Святоградцѣ (εἰς τὸν Ἀγιοπολίτην)?¹⁾ Не значить ли все это, что на нашъ «Святоградецъ» не слѣдуетъ намъ смотрѣть какъ на памятникъ, исключительно содержащій творенія агіополитскихъ святыхъ? Если асма съ его шестнадцатью гласами, описываемыми въ «Святоградцѣ», — твореніе агіополитскихъ святыхъ, то почему составитель «Святоградца» ставитъ такое средостѣіе между асмой и «Святоградцемъ»? Если нашъ «Святоградецъ», по объясненію его же, представляетъ изъ себя книгу, въ которой содержатся творенія нѣкоторыхъ агіополитскихъ святыхъ, разумѣя при этомъ слово «исключительно», то отчего онъ не говоритъ, что и асма съ его шестнадцатью гласами поется въ «Святоградцѣ»? Да наконецъ въ предисловіи говорится, что въ этой книгѣ поются (ψάλλεσθαι) восемь гласовъ, между тѣмъ, въ нашемъ «Святоградцѣ» не дается пѣніе какихъ-нибудь гласовъ, а предлагается теорія какъ восьми, такъ и шестнадцати гласовъ. Такъ какъ въ этомъ Святоградцѣ мы должны искать пѣнія восьми гласовъ, то смѣемъ спросить: не вѣриѣ ли будетъ думать, что подъ словомъ «Святоградецъ» составитель разбираемаго руководства разумѣетъ въ своемъ предисловіи какъ Октоихъ и остальные музыкальныя произведенія св. I. Дамаскина и св. Космы, помѣщенные имъ, по обыкновенію византійскихъ пѣвцовъ, въ концѣ своего руководства въ качествѣ практической части

1) Καὶ ἀνεβιβάζουσιν ἤχοι ἐς οἵτινες ψάλλονται εἰς τὸ ἄσμη, οἱ δὲ δέκα ὡς προείρημαι εἰς τὸν Ἀγιοπολίτην. Кодексъ С.-Пб. И. П. Б-ки № 140 л. 16.

послѣдняго, такъ и свое теоретическое руководство, заключающее въ себѣ ихъ (Октоихъ и Ирмологъ) и получившее по этому только поводу такое надписаніе—«Святоградецъ»? Дѣйствительно такъ и есть. Намъ извѣстно, что обученіе церковному пѣнію на востокѣ начиналось, да и нынѣ начинается, по предварительномъ ознакомленіи съ теоріей музыки, прежде всего съ Октоиха—съ самыхъ легкихъ пѣснопѣній, затѣмъ дѣлается переходъ къ Ирмологу и наконецъ—къ панадическимъ мелодіямъ—протяжнымъ. Такъ и нашъ учитель пѣнія конца XIV или начала XV в., приступая къ обученію пѣнію своихъ учениковъ, прежде всего начинаетъ свое преподаваніе съ Октоиха и Ирмолога, помѣщенныхъ имъ, безъ сомнѣнія, въ концѣ руководства, и, знакомя предварительно своихъ учениковъ съ теоріей музыки, спѣшить въ предисловіи объяснить, почему озаглавилъ свою книгу «Святоградецъ» и отчего въ этой же книгѣ, —намекъ на практическую ея часть,—поются не восемь гласовъ, а десять. Дѣйствительно, пѣснопѣнія: «Побѣду имѣя Христе, юже на ада», «Тебѣ на водахъ» и «Крестъ начертавъ Моисей», выбранныя авторомъ въ доказательство послѣдняго положенія, заимствованы имъ первое изъ Октоиха, а остальные изъ Ирмолога. Ясно отсюда, что въ предисловіи авторъ говоритъ о практической части своего руководства—Октоихѣ и Ирмологѣ—и разъясняетъ, что въ нихъ—Октоихѣ и Ирмологѣ—поются не восемь гласовъ, а десять, наконецъ, что онъ прежде всего и разумѣетъ Октоихъ и Ирмологъ, говоря: «въ этой» (ἐν τούτῳ)—книгѣ Святоградцѣ «поются восемь гласовъ», откуда слѣдуетъ заключить, что недошедшій до насъ конецъ «Святоградца» содержалъ и практическую часть—Октоихъ св. I. Дамаскина съ Ирмологомъ на паличныхъ нотахъ. Вотъ отчего мы выше подчеркнули слово «поются»: разъ сказано, что гласы поются, а не то, что дается ихъ теорія, то, безъ сомнѣнія, нужно было отыскать въ нашемъ Святоградцѣ то мѣсто, гдѣ дается именно пѣніе этихъ восьми гласовъ. Мы его и нашли. Это—приложенный въ качествѣ практической части къ нашему руководству и недошедшій до насъ конецъ «Святоградца» съ Октоихомъ и Ирмологомъ на нотахъ. Вотъ это и есть агіополитскій, по нашему мнѣнію, элементъ нашего «Святоградца». Была ли въ умѣ автора мысль, что описываемыя въ его книгѣ (въ первой ея части) знамена съ ихъ современнымъ ему значеніемъ также принадлежать твореніямъ агіополитскихъ святыхъ, это намъ неизвѣстно. Единственное, что говорить авторъ о происхожденіи знаменъ, — слѣдующее неопредѣленное выраженіе: «знамена (τύποι)

асмы слѣдующія: исотистъ, олигонъ, метолигонъ, месонъ, ипермесонъ, акронъ и теліонъ; а сообразно послѣдовавшему ихъ (знаменъ) затѣмъ умноженію установившимися довольно точно ихъ силу, столько же головыхъ особенностей въ переданномъ пѣтъ Богу въ церкви». Но кто эти, точно установившіе ихъ музыкальную силу, авторъ не говоритъ, по-видимому, потому, что и онъ самъ не знаетъ. Послѣ вышесказаннаго мы находимъ, чѣмъ объяснить какъ заглавіе, такъ и предисловіе нашего «Святоградца», данныя которыхъ, какъ мы раньше говорили, не совсѣмъ вяжутся между собою. Авторъ «Святоградца», составивъ теоретическое и практическое руководство по музыкѣ церковной и свѣтской и приступивъ къ преподаванію ученикамъ современнаго ему церковнаго пѣнія съ Октоиха и Ирмолога, содержащихся во второй и не дошедшей до насъ части его руководства, разъясняетъ своимъ ученикамъ, что послѣднее называется Святоградцемъ потому, что содержитъ въ себѣ творенія — пѣснопѣнія нѣкоторыхъ святыхъ и подвижниковъ, жизнью своею просіявшихъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ, составленныя Киръ-Космой и Киръ-Іоанномъ Дамаскинскимъ пѣснопотворцами; что въ его книгѣ, — намекъ на вторую часть — поются восемь гласовъ, что онъ докажетъ, что неправда, потому что въ ней поются не восемь гласовъ, а на самомъ дѣлѣ — десять. Далѣе, авторъ, излагая въ своемъ руководствѣ музыкально-теоретическія свѣдѣнія, относящіяся какъ къ Октоиху и Ирмологу, такъ и къ Асмѣ (протяжныя мелодіи), и свѣтской музыкѣ, и, сознаваясь въ томъ, что въ своемъ руководствѣ онъ не говоритъ всецѣло о музыкальномъ составѣ однихъ октоиховыхъ пѣснопѣній, счелъ пужнымъ, надписывая свое руководство: «Святоградецъ», добавить, что оно состоитъ изъ нѣкоторыхъ музыкальных методовъ. Это — самый вѣрный, самый правильный, по нашему мнѣнію, смыслъ заглавія и предисловія нашего «Святоградца». Это во-вторыхъ.

Въ-третьихъ, намъ извѣстно, что неизвѣстный составитель «Святоградца» жилъ въ концѣ XIV-го или началѣ XV-го вѣка, когда въ Византійской имперіи была во всеобщемъ употребленіи такъ называемая агіополитская нотація, за которой числилось уже давности болѣе трехсотъ лѣтъ. Наличныя какъ Октоихъ и Ирмологъ, такъ и пѣснопѣнія вообще агіополитскихъ святыхъ пѣлись, безъ сомнѣнія, въ это время по этой нотаціи. Вполнѣ естественно, что авторъ «Святоградца», составляя для современныхъ ему учениковъ теоретическое и практическое руководство по музыкѣ, въ отдѣлѣ о нотахъ не преминулъ помѣ-

стить по необходимости наличный знамена съ современнымъ ему значеніемъ — ноты наличной такъ называемой агіополитской нотаціи. Но даетъ ли это намъ основаніе называть послѣднюю нотацію «Агіополитской», а тѣмъ болѣе утверждать, что она первоначально была въ употребленіи въ Палестинѣ и Сиріи, когда наука не знаетъ еще ни одного памятника съ таковой нотаціей ранѣе XII-го вѣка? По нашему скромному разумѣнію, авторъ нашего «Святограда» просто-на просто выражаетъ и старается удовлетворить музыкальные запросы своего времени. Онъ, взявшись составить руководство вообще по музыкѣ — церковной и свѣтской, по необходимости долженъ былъ коснуться и наличнаго нотописанія, тѣмъ болѣе, что наличный Октоихъ и Ирмологъ, по которымъ собирался онъ учить своихъ учениковъ церковному пѣнію, изложены, безъ сомнѣнія, наличными знаменами съ ихъ современнымъ учителю значеніемъ, а руководство, судя по его содержанию, предназначалось ученикамъ, собирающимся учиться современному имъ пѣнію. Если бы при авторѣ «Святограда» практиковалась въ церквахъ другая какая-нибудь нотація, то онъ бы не преминулъ ее помѣстить и разъяснить въ своей книгѣ. Но такъ какъ при немъ была въ ходу извѣстная уже намъ нотація, то онъ по необходимости касался послѣдней. Иначе и не могло быть. Это наше мнѣніе подтверждается и найденными нами недавно пѣснопѣніями святыхъ Космы и І. Дамаскина, изложенными въ X-омъ вѣкѣ не агіополитской нотаціей, а древне-византійской знаменной¹⁾ (по аббату J. Thibaut Константинопольской), откуда видно, что агіополитскіе святые для написанія на нотахъ своихъ твореній пользовались такъ называемой Константинопольской нотаціей, а не выдуманной Агіополитской, вовсе до нихъ, при нихъ и послѣ нихъ не существовавшей вплоть до XII-го вѣка, отчего послѣдняя и не можетъ называться агіополитской. То же самое доказываютъ и сохранившіеся на нотахъ творенія агіополитскихъ святыхъ въ Русской церкви, именно: въ славянскихъ Октоихахъ XI и XII в. и въ другихъ богослужебныхъ книгахъ. Во всякомъ случаѣ, «Святоградецъ», какъ слишкомъ позднее по происхожденію руководство, вышедшее изъ-подъ пера пѣвца XIV—XV в., когда такъ называемая Дамаскинская нотація въ теченіи трехъ уже столѣтій успѣла распространиться по всей Византійской имперіи, не можетъ служить основаніемъ въ пользу допущенія мысли о якобы первоначальномъ су-

1) См. греческія рукописи С.-Пб. Императорской Библіотеки №№ 361 и 363. Срв. наши снимки: №№ V и VI.

ществованіи такъ называемой агіополитской нотациі въ Палестинѣ и Сиріи, тѣмъ болѣе, что наука пока не знаетъ ни одного памятника съ таковой нотацией ранѣе XII-го вѣка, а наличные памятники X-го вѣка съ нотированными твореніями агіополитскихъ святыхъ только подтверждаютъ фактъ пользованія послѣдними иной нотацией. Въ такомъ случаѣ, остается возможность думать, что законченная, такъ называемая агіополитская нотациа, извѣстная намъ лишь со второй половины XII-го вѣка, не только не есть произведеніе агіополитскихъ святыхъ, но ея даже вовсе не было ни въ Палестинѣ, ни въ Сиріи, ни гдѣ-либо еще до XII-го вѣка.

Вышесказанное дѣлаетъ само собою понятнымъ, что древне-знаменная нотациа, принятая русскими, не можетъ называться Константинопольской, такъ-какъ она была господствующею нотациею во всей Византійской имперіи до XII-го вѣка, что и подтверждается, какъ уже сообщали мы въ первой нашей статьѣ, открытыми нами нотными богослужебными памятниками, происходящими изъ разныхъ мѣстъ православнаго Востока, почему и называемъ ее древне-византійскою знаменною нотацией. Наконецъ, увѣреніе почтеннаго аббата, будто «заимствованная сѣверными славянами у грековъ нотациа эта не Дамаскинская, а бывшая тогда въ употребленіи въ Константинополѣ, является послѣ вышесказаннаго, недоказаннымъ, неважнымъ и несправедливымъ, такъ какъ въ X-омъ вѣкѣ уже извѣстной такъ называемой Дамаскинской нотациі вовсе на свѣтѣ не существовало и, слѣдовательно, не откуда было тогда ее принять. Благодаря недавно открытымъ нами греческимъ документамъ съ пѣснопѣніями на нотахъ св. Космы и І. Дамаскина, мы нынѣ мы счастливы заключить и утверждать, что русскими, между прочимъ, была заимствована и та нотациа, которой и самъ Косма, и самъ І. Дамаскинъ пользовались для написанія на нотахъ своихъ пѣснопѣній.

Бугурусанъ.

Константинъ И. Пападопуло-Керамевсъ.

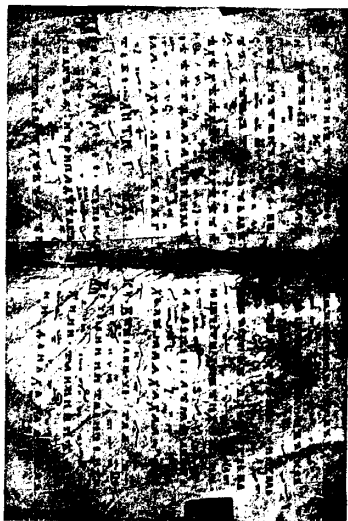

Рис. I. Руконсь Московской Синод.
Библ. № 777, л. 1016-105а.

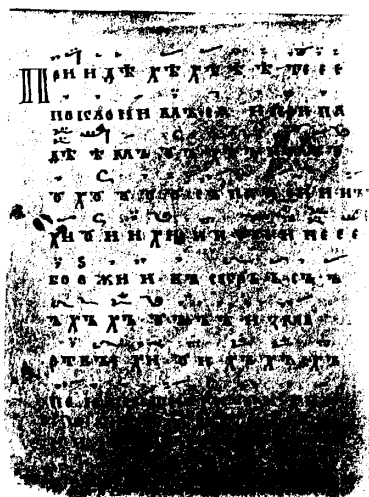

Рис. II. Руконсь Московской Синод.
Библ. № 9, л. 181а.

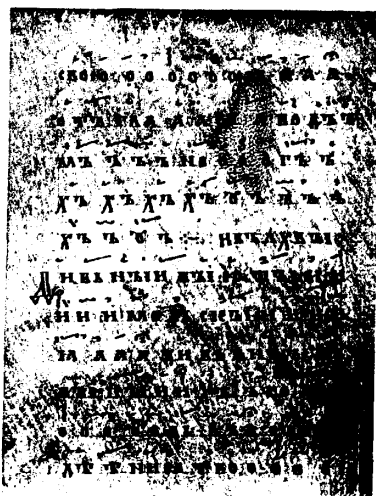

Рис. III. Руконсь Московской Синод.
Библ. № 9, л. 154 б.

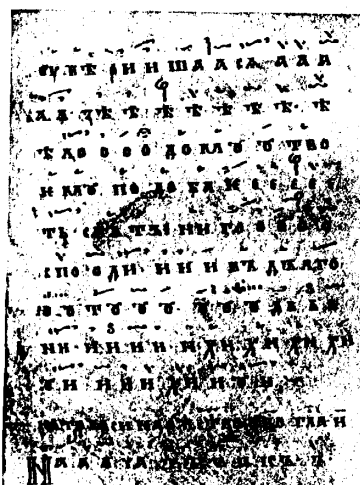

Рис. IV. Руконсь Московской Синод.
Библ. № 9, л. 155а.

[illegible]

Curran. Nada z'itub

9-1-1941

Рис. VI. Рукопись Имп. Публичной Библиотеки № 363 (X в.).